

— Мина...

— Он не в порядке, Кушина, давай не будем обманывать себя. Ты не слышала, что он сказал перед тем, как по-настоящему расстаться с жизнью. Он спросил, чего еще ждет от него деревня, когда ему больше нечего дать. Он устал, он так устал жить и постоянно отдавать все больше и больше, пытаться снова доверять, только чтобы его доверие снова и снова разрушалось, и я не знаю, что делать, чтобы помочь ему. Он чувствует, что находится в тупике. Люди называют меня гением, вундеркиндом, но я понятия не имею, чем могу помочь Хаку. Ему всего тринадцать лет. Кизаши, Микото и я вместе помогали управлять этой деревней своими способами, чтобы дети больше не переживали войн, чтобы они росли счастливыми, чтобы каждое из наших представлений о мире сбылось. Выражение на лице Хаку не должно быть таким. Оно вообще не должно быть ни на чьем лице. И уж точно не должно быть на лице такого ребенка, как он. Мы потерпели неудачу.

Кушина только крепче прижалась к нему.

— Ты знаешь, что он сказал дальше? Это был настоящий удар, Кушина. Он сказал мне, что моя версия мира никогда не будет достигнута, не тогда, когда существуют шиноби. Он сказал мне, что существование шиноби - самое большое препятствие на пути к моей мечте о мире. Он уверен, что моя версия мира невозможна, пока существуют шиноби. Знаешь, что еще лучше? Он, блядь, доказал это. Всем. В той маленькой комнатке, известной как кабинет Хокаге, где мы, шиноби ранга S, слушали его рассказ, не считая моих охранников из АНБУ, которых каким-то образом вырубил, не понимая, когда и как... он доказал, что моя версия мира, о которой я мечтал с юности, что установление взаимопонимания между людьми невозможно. Он заставил Цунаде понять его точку зрения. Цунаде, Кушина. Принцесса слизней, упрямая настолько, что даже объединенная мощь Джирайи-сенсея, Орочимару и Сандайме не смогла ее переубедить, как только в ее голове зародилась какая-то идея, а он заставил ее понять свою точку зрения. Он создал дзюцу, о котором даже я не знал и не мог представить его концепцию, дзюцу, которое могло бы убить всех нас, шиноби ранга S, находящихся в комнате, не зная, как и почему, если бы у Фугаку не было Шарингана. Победа над Гаарой, противостояние с Эй, отражение армии в одиночку с помощью снега, противостояние с Югито, извлечение и запечатывание хвостатого зверя, способность уничтожить более половины шиноби S ранга нашей деревни мгновенно и без следа, разубедили мои представления о мире за несколько минут. Я даже не знаю, гордиться ли мне им или злиться на него в этот момент. Я даже не знаю, во что теперь верить, когда моя мечта о мире сгорела. Я даже не знаю, что я сейчас чувствую.

Вдвоем они просидели так еще несколько минут, прежде чем Минато снова заговорил, нарушив молчание.

— Как ты думаешь, что мне теперь делать?

— То, что ты считаешь лучшим. — сказала она с уверенностью. — Ты можешь принимать правильные решения, Минато. Очевидно, что Хаку искренне верит, что ты можешь стать

великим Хокаге. Он верит в тебя. Хаку просто смотрит на мир иначе, чем мы с тобой. Он смотрит на этот мир совсем иначе, чем все остальные. Я думаю, что сейчас ему нужно пространство. Ему нужно время, чтобы исцелиться в одиночестве. Он все еще заботится о нас, по-своему. Он просто решил сдаться, потому что то, что случилось с Ханابي, так сильно напугало его, и это действительно причинило ему слишком сильную боль. Он больше не хочет, чтобы ему причиняли боль. Он слишком боится, что ему снова будет больно, поэтому его первый инстинкт - не дать себе снова почувствовать ту же боль. К сожалению, на этот раз он выбрал способ убежать, вместо того чтобы попытаться противостоять этому, как он обычно делал. Поэтому он сдался и попытался закончить все по-своему, не усложняя ситуацию. Если бы он знал, что Кизаши помиловал его, то все могло бы закончиться по-другому, но вы все равно не смогли бы предугадать реакцию Хаку. Ваш совет хотел знать причины, по которым Хаку не подчинился всем приказам, и ты, как Хокаге, потакал им, потому что это было правильно и логично. Есть вещи, которые нужно учитывать. Это было лучшее решение, которое ты мог принять для всех вовлеченных сторон.

— Худший вариант действий, который я мог бы предпринять.

— Сейчас не до этого, Минато. Мы нужны Хаку сейчас больше, чем когда-либо, ему не нужен твой негатив.

— Если бы не эта печать, мы бы потеряли его. Я бы потерял сына. Ханابي проснулась бы и обнаружила, что мальчик, которого она любила с раннего детства, умер вместо нее. Хината и Неджи вернулись бы домой и обнаружили, что их старшего брата больше нет. Наруто потеряла бы своего единственного брата. Команда 13 потеряла бы члена без причины, а Обито потерял бы ученика. И все из-за меня. Хокаге.

— Минато, пожалуйста.

— Помнишь печать, которую мы наложили на него, когда ему было пять лет? Когда он только поступил в больницу? Ту глупую печать, которую мы поставили, чтобы следить за ним? Хаку прав. Что еще мы можем у него отнять? Мы отняли у него свободу покончить с жизнью без его ведома. Печать против самоубийства. Если бы не эта печать, печать, которую мы использовали на наших заключенных в отделе дознаний, чтобы они не могли скрыть свою информацию через смерть, печать, которую все мы забыли, что поставили на него, когда впервые встретили его, мы бы потеряли его. У него даже нет свободы воли в выборе того, как он хочет закончить свою жизнь, поэтому он проверяет границы печати, пытается уморить себя голодом, чтобы узнать, считает ли печать этот сценарий самоубийством. Как будто он пытается досадить нам за то, что мы причинили ему такую боль. Если бы это не был такой нездоровый сценарий, я был бы впечатлен его способностью находить и использовать лазейки. Мы чертовски хорошо его обучили.

— Тогда это было для его же блага. Он был не в лучшем состоянии духа, когда только прибыл, ты знаешь это. Все это видели, что он был склонен к самоубийству. Поэтому мы решили, что такая печать необходима на случай, если он действительно попытается сделать что-то подобное. Мы думали о его лучших интересах.

— Правда? Мы когда-нибудь спрашивали его, чего он хочет?

— Иди и встретись с Хаку, Минато. Ты единственный, кто сейчас способен выдержать холод и достучаться до него. Сейчас мы нужны ему больше, чем когда-либо. Он все еще считает себя чужаком.

— Я не думаю, что он захочет видеть меня сейчас. Если бы я был на его месте, я бы не хотел видеть меня сейчас. Мы отняли у него слишком много. Коноха отняла у него слишком много. Он прав. По иронии судьбы, мы, шиноби, которые пытались достичь мира, являемся самым большим препятствием в достижении нашей мечты о мире. Он прав. Этот мир несовершенен. Он неправильный. Потребовалось пять поколений Хокаге, чтобы понять то, что ребенок может сделать за тринадцать лет. Хокаге. Огненные тени. Защитники деревни. Мы не заслуживаем этого звания. Мы не лучше ребенка.

Как раз в этот момент на тренировочной площадке мелькнул АНБУ.

— В чем дело, Медведь?

— Хокаге-сама. Хьюга Ханаби очнулась, но очень расстроена, узнав о ситуации с Юки Хаку. Хиаши-сама потратил все силы, чтобы сдержать ее.

— Спасибо, Медведь. Мы скоро будем там. Свободен.

— Что ты собираешься сказать Ханаби? — спросила Кушина, как только Медведь исчез.

— Все. Она заслуживает того, чтобы знать, и возможно, она единственная, кого Хаку сейчас выслушает. Он захочет знать, что она проснулась и находится в безопасности. — Минато медленно разжал руки Кушины, обхватившие его, и повернулся к ней лицом.

— Спасибо тебе, Кушина, за все.

— Ну, кто-то же должен надрать твою жалкую задницу, верно? — сказала она, положив руки на бедра.

Минато лишь коротко усмехнулся, протягивая ей руку, чтобы она за нее ухватилась, что она и сделала.

Через мгновение после вспышки желтого цвета остался только вид разрушенной тренировочной площадки.

<http://tl.rulate.ru/book/62135/1747342>